

Впрочем, слово «умчался» не подходит его меланхолично-астеничной фигурке в короткополом сером плащике и шляпе (винтаж а-ля 60-е), привезенных из творческих командировок то ли в Мадрид, то ли в Париж.

Игорь Фролов

Новый, 2018 год электронный вариант «Бельских просторов» встречает на новой интернет-площадке: журнал покинул сайт **bp01.ru**, на котором провел, страшно сказать, восемь лет. Начиная с декабрьского номера за 2009 год, на том сайте было выложено 96 выпусков. Если не ошибаюсь, это был третий сайт в истории уфимского журнала, а каждый переезд – это всегда новые надежды. Под занавес 2017 года редакция решилась на интересный эксперимент: всё-таки соединение консервативной формы толстого журнала с колумнистикой, а то и форматом блога – шаг неожиданный. Так появилась рубрика «Три абзаца от Савельева», и, обобщая уже непосредственно для журнала заметки об актуальных явлениях литературы и культуры, я не думал, что это станет и эпитафией старому сайту, который для многих из нас стал родным.

Каждый из «Трех абзацев» начинался с игривого призыва: «Надеюсь, со временем ко мне присоединятся мои молодые коллеги, хотя я и сам еще не очень стар». На прежнем сайте и в прошедшем году «молодые коллеги» сделать это не успели, но всё же верю, что «Бельские просторы» продолжают раздвигать границы толстожурнального формата.

I. В ПАРИЖЕ

Темой первого выпуска «Слова пастыря» станет сенсация-скандал, которую, Впрочем, почти не заметили ни в России, ни в мире – возможно, потому, что речь идет о событиях столетней давности. На аукцион выставили письма Марселя Пруста, из которых стали известны пикантные подробности. Оказалось, будущий французский классик

подкупил газету «Le Figaro» и сам инициировал выход хвалебных рецензий на свой роман «По направлению к Свану». Причем, рецензию, написанную по его же просьбе его другом Жак-Эмилем Бланшем, Пруст сам дописывал в духе: «В прозе господина Пруста раскрывается четвертое измерение, как у кубистов». Документы обнаружили журналисты лондонской «The Guardian», а на русском языке историю пересказал Лев Оборин в

обзоре для сайта «Горький», но на этом она и завершилась: разоблачения из 1913 года никого не заинтересовали. И не удивительно.

Это можно трактовать таким образом, что даже там и тогда в литературной критике существовал «дефицит адресата». Который компенсировался в данном случае материальной заинтересованностью редакции (за джинусу от Пруста парижские издания получали от 300 до 660 франков) и кипучей энергией писателя. Заводить патефон на тему «По-настоящему литературная критика никому не нужна» пошло, но она, в общем, действительно мало кому нужна – к сожалению. В советской литературе критический цех был достаточно мощным в силу своей партийно-идеологической значимости для властей (даже если большая часть критиков держала фигу в кармане). А массово читали критику потому, что соответствующие разделы в толстых журналах могли говорить об общественных проблемах – пусть через призму литературы – пораскованней, чем совсем уж подцензурные газеты.

С этой точки зрения интересно взглянуть на новейшую историю уфимской литературной критики, которая за каких-то десять лет (ну хорошо, пятнадцать) пережила подъем и спад обратно до нуля. Начиналось с неформального, подчеркнуто-оппозиционного «официальной культуре Башкортостана» журнала «Гипертекст», которому хоть и прочили с самого начала судьбу 95 % культурологического самиздата – скорую смерть на втором-третьем номере, но он прожил долго (2004–2014) и сделал для уфимской литературы много (что касается номеров, то их вышло, кажется, двадцать). Во второй половине «нулевых» ренессанс критического раздела, замеченный и за пределами Башкирии, случился в «Бельских просторах». Не о прозе и поэзии (за редкими исключениями), опубликованной БП, спорили российские литераторы – о критике. Обзоры книжных и журнальных новинок были многочисленны, многообразны, колючи (и часто это был бой без правил), – но и они почти иссякли за десять лет. У меня нет вопроса, почему сегодня в Уфе опять практически нет

литературной критики. Отсутствие читателя / потребителя / заказчика для нее – обычная история. Скорее, мне интересно, кто был «заказчиком» уфимского подъема критики, условно, 2005–2015 годов. Подвешу этот вопрос в пространстве: может, у кого-то будут варианты ответа.

20 октября.

II. В УФЕ

В эти дни в Уфе в двадцатый раз (если я правильно подсчитал) вручают государственную республиканскую молодежную премию имени Шайхзады Бабица в области литературы, искусства и архитектуры (если я перечислил все составные официального названия в правильном порядке). На самом деле, несмотря на деревянные-официальные 12 слов, не считая предлога и союза, молодежная госпремия Башкирии куда бодрее, чем «взрослая» (имени Салавата Юлаева), во всяком случае – каждый раз вокруг нее куда больше хайпа. Молодые имена, новое слово в искусстве и вот это всё. В этот раз премию за произведение 2015–2016 годов получили башкирский поэт Алмас Шаммасов, руководитель хоровой капеллы Алсу Хасибуллина и пять ребят из Башдрамтеатра, поставивших спектакль по повести Айгиза Баймухаметова «Не оставляй, мама» (ее главы когда-то печатались в «Бельских просторах»¹).

За бортом остались те, кого многие считали фаворитами премиальной гонки (а список кандидатов, прошедших все этапы государственного «сита», предварительно публикуется). Я имею в виду съёмочные группы двух самых заметных новинок кинематографа Башкирии – «Бабица» Булата Юсупова и «Из Уфы с любовью» Айнура Аскарлова. Ну, то, что кино всегда массовой-популярней всех прочих видов искусства, сомнению не подлежит. К тому же, две упомянутые картины, действительно, добились многого. Скорее всего, фильмы обошли по формальным соображениям: оба вышли на экраны в 2017 году, что противоречило букве положения о премии, и на что обратила внимание одна из оппозицион-

¹ Перевод Гульфиры Гаскаровой // «Бельские просторы», 2013, № 11.

ных газет. «Обратила внимание» в форме официального запроса в госорганы, поэтому шансов у кинематографистов не было. Но я полагаю, что дело не только в этом. Культура Башкирии постепенно устает от вечного краеведения, вечной ставки на «визитную карточку экзотического уголка России».

Башкирия может быть родиной и другого кино. Что показали в последние годы два уфимца, никак не связанные, кстати, с государственными киноинститутами, как, впрочем, и с темой самобытности малой родины. Первый – Роман Каримов – когда-то прогремел с фильмом «Неадекватные люди», снятым за три копейки, но ставшим одной из главных российских кинопремьер 2010 года. С тех пор «бывший уфимец» поставил еще шесть картин. «Действующий уфимец», Вадим Валиуллин, в 2016 году получил приз «Кинотавра» с короткометражкой «Кредит», а в 2017-м на том же фестивале представил полный метр «Мертвым повезло». Оба режиссера работают в развлекательном жанре, но в данном случае я заткну за пояс свой архаичный снобизм – хотя бы из соображений землячества & патриотизма. Роману 33 года, Вадиму – 30. То есть оба еще проходят под «фильтр» молодежной госпремии. Если бы однажды они попали в поле ее зрения – хоть и не снимают кино про Башкортостан на деньги Башкортостана, – это было бы интересно. Неоднозначно? Да уж не более неоднозначно, чем награждение Земфиры Рамазановой в 2000 году, которое, как уже можно признать 17 лет спустя, стало яркой страницей биографии не столько певицы-лауреатки, сколько самой премии имени Шайхзады Бабича.

1 ноября.

III. В МОСКВЕ

По-настоящему серьезных и значимых литературных журналов так мало, что не удивительно, что все они наблюдают друг за другом с пристальным интересом. Условный приз за креатив этой осени может получить «Октябрь», презентовавший неделю назад сдвоенный российско-китайский номер. Ока-

зывается, главный литературный журнал Китая тоже носит название «Октябрь» («Шиюэ»), он основан в 1978 году после т. н. «Культурной революции», то есть он сильно младше российского собрата, но тиражи, конечно, не сравнить. Вот «Октябрь» и выпустили совместный номер, где напечатали многих заметных российских (Роман Сенчин, Евгений Попов, Валерий Попов, Александр Кабаков) и китайских писателей. Интересно, что происходит это на фоне ситуации, которая встревожила многих: власти Москвы выселили «Октябрь» из помещения, которое он занимал лет семьдесят. Несведущий человек скажет: ну, подумаешь, редакция переехала. Только, по-моему, переждать было некуда (новый адрес журнала на сайте не значится, не исключаю, что его делают теперь дистанционно, «на коленке»), а во-вторых – потеря литературным журналом помещения в центре Москвы – трагедия, которая всегда рассматривалась в литературной среде практически как «смерть журнала».

Об этой опасности заговорили не в 90-е, которые принято называть «лихими» (и именно тогда журналы пережили обвал тиражей и обнищание), а в относительно сытые нулевые. Тогда-то, насытившись нефтедолларами, власть и обратила внимание, что «золотые» помещения в центре занимает такая непонятная бизнесмена и чиновникам культура, как толстые журналы, да еще и мало платит за это. Когда-то журналам установили льготные арендные ставки. Сейчас трудно вспомнить, для кого прозвенел первый звонок лет десять назад. Кажется, для «Нового мира»: его здание, принятое на баланс еще Твардовским в конце 60-х, парадоксально оказалось ничейным (по документам).

Поскольку всё постсоветское время федеральный центр и московские городские власти не могли договориться, кому из них оно принадлежит, «Новый мир» подождал и тихонько выиграл арбитражный суд как «добросовестный арендатор бесхозного помещения на протяжении более 15 лет». Тут-то власти очнулись, сломали решение суда и заговорили о выселении «Нового мира». Помню, что именитые писатели подписывали какие-то петиции, и выселение удалось отме-

нить. Сегодня «Новый мир» работает по прежнему адресу, но, естественно, без серьезных гарантий.

Тогда, объясняя, почему толстый журнал такой значимости не может делаться на дому или сидеть в каком-нибудь коворкинге на окраине, писатели объясняли: а место встреч литераторов, место, куда могут прийти авторы из провинции?.. А уникальный архив?.. Библиотека?..

Прямо говорилось: стоит выселить такой журнал из «культурной среды» московского центра – и он умрет. Но оказалось, что, во-первых, эти аргументы чаще всего – пустой звук для чиновников, а во-вторых, толстые журналы более живучи, чем думалось даже их редакторам. В последние несколько лет тихо-тихо лишились помещений несколько журналов. Сначала из «Дома Ростовых» на Поварской попросили «Дружбу народов»: в 2012 году на эту тему было много публикаций в СМИ.

Потом – уже совсем тихо – с Большой Садовой съехало «Знамя». Так тихо, что об этом даже мало кто знает из авторов, нечасто бывающих в редакции (теперь она сидит в Воронниковском переулке). Потом – эта история с «Октябрем», тоже окруженная странным молчанием: для всего литсообщества стала сюрпризом большая статья об этом – «Октябрь стерли ластиком»: ее опубликовал Павел Басинский². Сами сотрудники «Октября» ничего об этом не заявляли и довольно долго воздерживались от комментариев даже после выхода этой статьи.

Оказалось, однако, что продолжают выходить и «Октябрь», и «Знамя», и «Дружба народов», ничего не растеряв. Я не веду к мысли, что риторика «переезд равен смерти» оказалась неправдой. Я радуюсь тому, что запас прочности у толстых журналов остается большим. Они пережили и катастрофу с подпиской в 90-е, катастрофу с потерей массового читателя и тиражей, сейчас переживают период потери советских же помещений, но не сдаются. Но сколько испытаний им еще предстоит?

16 ноября.

IV. В БЕРЛИНЕ

Если я скажу, что сподобился написать про российского школьника, выступившего в Бундестаге, то, боюсь, меня закидают камнями. За пару недель бурного обсуждения тема успела протухнуть, как говорят журналисты. Всплеск интереса был коротким, но бурным. В дискуссии о том, что юноша из Нового Уренгоя якобы лояльно говорил о солдатах Вермахта (это самая мягкая характеристика из тех, что звучат в СМИ), успели поучаствовать и «голос Кремля» Песков, и министр образования, и уполномоченный по правам ребенка, и сенаторы, и депутаты, я уж не говорю о сотнях журналистов и публицистов. С другой стороны, я вижу, что тема не увяла. Те самые сотни публицистов не дают ей увянуть. Они продолжают твердить о том, что надо проверить программы международных обменов, элитные гимназии с иностранными связями и т. д. и т. п. Ну что ж, если хотите, давайте продолжать.

Говорить, на самом деле, не о чем. Мальчик не очень аккуратно выражается по-русски, когда говорит о «невинно погибших» в «так называемом Сталинградском котле». Последнее возмутило публицистов до глубины души, но они просто не понимают нюансов: то, что для них что-то значит (русский язык – их профессия), для 16-летнего ученика российской школы не значит ничего. Я имею в виду, что обороты типа «так называемый» буквально ничего не значат и используются как междометья и маркер наукообразности. Но дело не в языке. По сути, Николай Десятниченко не сказал ничего выпадающего из среднесоветского гуманистического стандарта условных 70-х. Образовательный проект Бундестага заключался в том, что немецкие и российские школьники рассказывали о жертвах войны, выбирая конкретного погибшего с противоположной стороны. Десятниченко рассказал о немце, призванном на фронт, попавшем в советский плен и там умершем. Идея доклада была в том, что этот немец не хотел воевать. Ну а что, хотел? Даже Нюрнбергский трибу-

нал не осудил немецких призывников, их отправили по домам, это ведь не СС, не «истинные арийцы», кроваво воплощавшие в жизнь нацистские постулаты на оккупированных территориях.

В истерике вокруг доклада охотно участвуют главы регионов (да, тема точно не протухла: ТАСС от 29 ноября, спикер Госсовета Крыма зовет Колю приехать-посмотреть на следы фашистских преступлений), какие-то другие «не последние» люди, их много³. Меня, на самом деле, удивляет не их воинственный настрой, а вот что. Русская литература активно разрабатывает эту тему последние полвека. Я даже не говорю про известные и по-своему радикальные произведения Астафьева, Богомолова, Владимова и др. времен перестройки. Уж вполне благонадежно-советская «лейтенантская проза» аж с 50-х годов разбиралась в отношениях с немецким народом примерно в том же ключе, что и в докладе школьника. Я имею в виду большое количество произведений, где действие происходит на занятых немецких территориях во время или сразу после войны. Писали и о пленных немецких солдатах. Чтобы далеко не ходить – пожалуйте, наш земляк Анатолий Генатуллин и его «Туннель». Да более того, можно припомнить и «офицерскую», если не «генеральскую», прозу, вершину социалистической благонадежности, например, «Берег» (1975) советского классика Юрия Бондарева.

Я имею в виду, что, оказывается, большое количество вполне просвещенных людей, «лидеров мнений», в принципе ничего не читали и не в курсе, чем живет литература последние пятьдесят лет. Их риторика и аргументы в «спорах с Колей» – как будто на дворе 1954 год (я уж не буду называть сороковые, чтобы не разжигать). То, что уже в 1958-м все обсудили миллион раз в какой-нибудь «Юности» или «Новом мире» – можно ли говорить «как Коля» или нельзя, – прошло мимо них. Они же живут, как сферические кони в вакууме, при этом выступая

в качестве каких-то якобы моральных авторитетов. Пожалуй, именно это (а не призывы распять «агентов Сороса, оккупавшихся в Новом Уренгое») было для меня самым неприятным открытием в этой истории.

30 ноября.

В. В КАЗАНИ

Вероятно, эта моя колонка станет последней в 2017 году, так что время подводить итоги (профессор, наденьте очки-велосипед). Конец года – традиционная пора вручения «главных премий» современной русской литературы, романно-тяжеловесных. Букеровскую получила дебютантка Александра Николаенко за книгу экспериментальной прозы «Убить Бобрыкина»; критики назвали это довольно безумным чтением, но Букер в этом смысле верен себе. У «Большой книги» – три лауреата, два из которых отнюдь не дебютанты, хотя и относительно молоды. Лев Данилкин много лет остаётся едва ли не самым модным литературным критиком, на досуге работающим в жанре ЖЗЛ – от Гагарина до Проханова (собственно, и победил его очередной ЖЗЛовский том – «Ленин»), а Сергей Шаргунов 15 лет оставался главной надеждой «литературы двадцатилетних», потом «тридцатилетних», потом ушел в Госдуму, но и оттуда пишет сдержанный non fiction (и у него победил ЖЗЛ-том о Катаеве). Настоящим открытием можно назвать третьего лауреата: хотя и его имя не новое в литературе, но диплом «Большой книги», наконец, заставил критиков всерьез говорить о нем. Это Шамиль Идиатуллин, шеф-редактор казанского корпункта газеты «Коммерсантъ».

Победа нашего соседа и коллеги (не знаю, есть ли «зеркальное» нашему «Объединение русскоязычных писателей Татарстана», но допустим) – интересный повод для нескольких наблюдений. Шамиль победил с романом «Город Бреж-

³ В контексте названия этой главки («В Берлине») грех не упомянуть о письме депутата заксобрания Ямало-Ненецкого автономного округа Е.М. Кукушкиной, которая требовала от властей Нового Уренгоя «сообщить, кем принималось решение о направлении данного ученика в город Бундестаг». Скан этого географического шедевра разошелся по соцсетям и СМИ только в декабре.

нев». Люди старшего поколения, конечно, помнят, что так недолго – буквально лет пять – назывались Набережные Челны. Город не имел «биографического» отношения к Брежневу, но в начале 80-х, когда генсек преставился, оказался на гребне волны: КАМАЗ, вот это всё, что-то типа современного Сколково / Иннополиса / Красной Поляны. Если вы заглянете в «Новый мир» года 80-го, то увидите сплошные «Набережночелнинские десанты»... При этом, несмотря на парадный комсомольский блеск, пространство уже начало протухать (сегодня, – кто был, – это депрессивная гоп-территория, серая, бетонная). Вот эта двойственность, тайная дворовая жизнь якобы еще идеально-советского общества – настоящий герой романа. И здесь вспоминаешь о нашем земляке, ровеснике лауреата и (если не ошибаюсь) представителе той же культуры – Марате Басырове, который, к сожалению, рано ушел из жизни (в 2016 году в возрасте 43 лет). Петербургский прозаик прогремел в 2014 году на премии «Национальный бестселлер» с книгой об «уфимском дворецом детстве» конца 80-х – «Печатной машиной» (интересующихся отсылаю к замечательной статье Петра Федорова⁴; я также собираюсь написать о недавно вышедшем посмертном томе прозы Марата). «Печатная машина» была очень похожа на «Город Брежнев»... но чего-то все же не хватило. Внимания к сквозному сюжету и общей идее книги? Не знаю. Надо думать об этом.

И второе. Вечное соревнование Башкортостана и Татарстана – не секрет. В этом смысле у уфимских коллег не было на повестке дня серьезной конкуренции с Казанью. Она не считалась «местом силы» современной русской литературы, по крайней мере, начисто проигрывала тому же Екатеринбургу, о «соревновании» с которым можно было говорить, когда звучали речи – порой и шапкозакидательские – о расцвете новой литературы (особенно поэзии) в Уфе. У Татарстана не было (и нет), например, сильного русскоязычного литературного журнала, и так далее. Первые звоночки о том, что такая конкуренция появилась, прозвучали несколько лет назад, когда

появился Аксенов-фест и связанные с ним татарстанские номера журнала «Октябрь». Наконец, феномен Гузель Яхиной и триумф ее романа «Зулейха открывает глаза» дал понять, что в соседней республике появилась сильная традиция современной русской прозы. Сегодняшний успех «Города Брежнев» подтверждает, что это не было случайностью, единичным примером.

Чем на это может ответить Уфа в товарищеской конкуренции, особенно сегодня, когда наш «молодой литературный бум» несколько заглох? – опять же, надо думать об этом...

20 декабря.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ В УФЕ

*Доклад, прочитанный к 60-летию
филфака Башгосуниверситета
21 декабря 2017 года*

Важной особенностью, повлиявшей на развитие русской литературы Башкирии последних десятилетий, было то, что в конце XX века она разошлась в своих основных тенденциях с процессами, происходившими в «большой» русской литературе. Революция общественной мысли, случившаяся во второй половине 80-х годов, соединилась с радикальными реформами самих институтов литературы, я имею в виду упразднение цензуры и причудливое смещение литератур современной и «возвращенной» в едином журнально-издательском потоке. Что касается Уфы и Башкирии, то здесь «революция» ограничилась журналистикой и общественной жизнью (важной вехой которой стали, например, экологические протесты), но практически не отразилась на местном литературном процессе.

Я имею в виду именно русскую литературу: как это ни странно, башкирская литература, всегда имевшая репутацию более консервативной культурной системы, в конце 80-х обновляла смыслы и язык радикальнее. Этому способствовал и больший пласт «возвращенной» литературы, связанный с репрессиями в среде

⁴ «Из мусорного бака – в космос» // Бельские просторы. 2015. № 4.

башкирских литераторов (русская литература Башкирии подключилась к этому процессу не так активно, наследие писателей вроде Вивиана Итина практически не получило в то время распространения в Уфе), и обретение башкирской литературой некой магистральной идеи, прежде подавлявшейся. Это идеи национально-освободительного движения, проявившиеся как в творчестве современных литераторов и публицистов, так и в наследии тех, кто в советское время находился в тени, в диапазоне от Шайхзады Бабича до Мухаметши Бурангулова или Рами Гарипова.

Русская литература Башкирии или, как тогда стало принято говорить, Башкортостана не только не обладала подобной магистральной идеей. По сути, она оказалась лишена институтов, которые могли бы сыграть роль в ее обновлении. Башкирия традиционно не имела русскоязычного литературного журнала (он был создан только в 1998 году), в книгоиздательской сфере воплощалась национальная политика и господствовала идеологическая и эстетическая косность, прямо наследующая принципам и ценностям 70-х годов.

Получилось так, что, несмотря на очевидное «обогащение» русской литературы в 80-е и даже 90-е годы, в Башкирии русская словесность, наоборот, теряла позиции. Естественное обновление творческой среды неизбежно сталкивалось с кризисом ее легальных институтов. Это породило парадоксальную ситуацию. Когда в «большой» русской литературе стало «всё можно», расцвели «сто цветов», в том числе и с искусственным перекосом в сторону эпатажа (вспомните «Русские цветы зла», сборник под редакцией Виктора Ерофеева), в превеличенный порой интерес к русскому постмодернизму, в Башкирии сложилась ситуация, напоминая скорее «общероссийские» 70-е годы. Здешняя литература пережила расцвет разных форм самиздата и того, что можно условно назвать неподцензурной литературой

– по крайней мере, из-за эстетической и институциональной близости к «неподцензурной литературе» СССР застойных времен. Этим термином в современном литературоведении обычно обозначают определенный пласт экспериментальной поэзии, прославившийся не столько прямыми столкновениями с советской цензурой (чаще всего она о нём благополучно не подозревала), сколько эстетической новизной. Так и в Уфе 90-х годов: несмотря на определенные политические сложности со свободой слова в СМИ, здешняя «неподцензурная литература» все-таки не сталкивалась с цензурой как таковой. Скорее, экспериментальный, почти случайный для стороннего взгляда набор площадок диктовал ей зачастую и экспериментальный характер.

Так, серьезными литературными площадками, институтами становились не только серии самиздатовских брошюр (в «нулевые» годы в журнале «Гипертекст» был опубликован достаточно полный их библиографический обзор, имеющий большую ценность⁵), но и, например, те газеты, которые, казалось бы, просто в силу своей специфики не могли стать такими институтами. Это, в частности, уникальная по своему «контенту» газета «Ленинец» 90-х годов (тогда же, в 1996-м, она была переименована в «Молодежную газету»), вокруг которой сложился круг самобытных молодых поэтов, многие из которых (Светлана Хвостенко, Анатолий Яковлев), к сожалению, рано ушли из жизни. Наследие этой группы, связанное с «Молодежкой», все еще ждет своего исследователя. Когда я говорю о несвойственной «серьезной литературе» специфике, я имею в виду и то, что газетные форматы нередко диктовали и круг творческих поисков. Например, юмористический раздел «Молодежки» подтолкнул упомянутую группу к новому прочтению хармсовских традиций.

Одной из таких «неприспособленных» для классических литературных форм площадок была и «Вечерняя Уфа»: понятно, что муниципальной газете

⁵ Прежде всего, цикл «Автохтонные чтивы (1988–2003)», коллективная летопись уфимского самиздата, составлявшаяся Александром Хвальчевым, Раисом Габитовым, Артуром Сагитовым и др. и выходившая в «Гипертексте» в 2005–2006 гг.; также и отдельные публикации, например, о журнале «Ухо/Уфа».

было сложно выступить в качестве несущего существующего в Уфе литературного журнала. Тем не менее, именно в «Вечерке» дебютировали многие писатели, позже сыгравшие заметную роль в русской литературе Башкирии, например, Игорь Фролов или Артур Кудашев. Именно «Вечерка» выпускала альманахи, вручала литературные премии. Это было связано с деятельностью уфимского журналиста и литературного критика Александра Касымова, судьба которого – иллюстрация того парадоксального для свободных 90-х «подполья», в котором находилась русская литература Башкирии. Все 90-е годы Касымов (ушедший из жизни в 2003 году) жил «двойной жизнью»: в Уфе он был активистом самиздата (в частности, он выпускал своими силами журнал «Сутолока»), в условной же «большой» русской литературе – авторитетным критиком, постоянным автором «Знамени», «Октября», других толстых журналов, лауреатом многих премий. Попытки Касымова «экспортировать» отдельных талантливых авторов из уфимской самиздатской сферы в легальную общероссийскую нечисто заканчивались успехом, все-таки мембрана между этими сферами оставалась малопроницаемой⁶.

Ситуацию русской литературы Башкирии в 90-е годы и в первые годы XXI века можно сравнить с ситуацией Австралии, замкнутость которой породила совершенно особую фауну и, фактически, особый путь эволюции.

И все-таки эта самобытность новой русской словесности Башкирии, вызванная особыми условиями «культурного подполья», не сохранилась: в последнее десятилетие она была окончательно размыта. Едва ли об этом можно жалеть, помня о том, как много писательских судеб не состоялось.

Разрушение «подполья» в нулевые годы было связано со многими объективными и субъективными причинами. Неизбежна была и естественная смена поколений в официальных институтах литературы. В качестве примера можно привести историю журнала «Бельские просторы», переломным для которого стал 2007 год, когда костяк редколлегии

составили писатели поколения «сорокалетних», дебютировавшие как раз на полусамиздатских площадках 90-х годов (Юрий Горюхин, Светлана Чураева, Игорь Фролов, Салават Вахитов). Их нерастраченная энергия позволила «Бельским просторам» стать заметным явлением в российском литературном процессе конца нулевых, в чем-то даже эпатажным и провокационным. Я с большим уважением отношусь к старшему поколению тех, кто делал «Бельские просторы» первое десятилетие, но мне все-таки кажется, что журнал в те годы не был на переднем крае современной литературы, тяготее к советскому прочтению «почвеннической» традиции и оставаясь больше провинциальным явлением.

Неизбежным было и разрушение барьеров между «большим» литературным процессом и словесностью российских регионов. Все-таки и технологический прогресс, и «глобализация» сыграли в этом большую позитивную роль. Сегодняшняя русская литература – это во многом литература открытых границ (не случайно такую значительную роль в ней играет русская словесность как бывших республик СССР, так и «русского зарубежья» в принципе). Сегодняшний мир той же «поэзии двадцатилетних», которая в Башкирии очень сильна, – это мир, связанный в большей степени с фестивалями, баттлами и слэмами в разных уголках России, с разными онлайн-площадками, нежели с публикациями в Уфе.

Подводя итог, можно сказать, что Уфа на условной литературной карте России сегодня – город с сильными традициями, заметная точка. Двадцать лет назад эта точка была не так заметна, но, может быть, была более самобытной. И все-таки эта самобытность развивалась «вопреки».

Талантливые литераторы почти всегда – рано или поздно – терпели поражение в столкновении с невозможностью полноценно публиковаться, находить читателя, получать признание и находиться в качественной литературной среде. Лучшие образцы русской литературы Башкирии того периода, таким образом, были оплачены слишком дорого.

⁶ Подробнее об этом я писал в статье «Уроки Касымова, или Глазами человека моего поколения» // Бельские просторы. 2010. № 12.